

СТРАТЕГИИ ПОБУЖДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

С.А. Суспицын

ИЭОПП СО РАН

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (проект «Моделирование и анализ трансформации экономического пространства в сценариях модернизации экономики России»)

Аннотация

Предложена концепция структуризации экономического пространства России на основе создания контрастных кластеров агентов национальной экономики. Выделены драйверы экономической активности в кластерах, обоснованы процедуры построения матрицы оценок значимости присутствия драйверов в кластерах. Разработаны методики формирования сводных индексов драйверов, обобщающих частные оценки их активности в разных кластерах, и сводных индексов кластеров, интегрирующих частные оценки разных драйверов. Предложены и оценены по сводным индексам теоретические стратегии побуждения экономической активности в экономике: стратегии государственного патернализма, рыночного романтизма, панрегионализма, идеального универсализма. Построены варианты таких стратегий для оценки последствий эшелонированного побуждения экономической активности. Вариант методики применен для анализа инвестиционной активности в регионах РФ. Анализ инвестиционных процессов в экономике с использованием предложенных методик показал,

что в России доминируют идеологизмы «чистого рынка», что недостаточно присутствие государства в экономике и недостает эффективных компетенций регионов.

Ключевые слова: модернизация экономики, стратегии экономического роста, кластеры, драйверы экономической активности, баланс интересов

Abstract

The paper offers a concept of how the Russian economic space could be structured on the base of building contrast clusters of the national economic agents. We describe the major drivers of economic activity in clusters and also present the procedures of how to arrange an estimator of driver matrix for clusters and techniques to arrange the consolidated indices of drivers which integrate partial estimates of their activities in different clusters as well as consolidated indices of drivers which integrate partial estimates of different drivers. We offer and assess by consolidated indices the theoretical incentive strategies for economic activity (strategy of public paternalism, market romanticism, pan-regionalism, and perfect universalism). The variants of such strategies are presented to assess the impacts of echeloned incentives towards economic activity. The variant of the technique is applied to analyze the investment activity in RF regions. Our analysis of investment processes made by such techniques shows that the concepts of «pure market» – a lack of the governmental intervention and effective regional competences – dominate in Russia.

Keywords: modernization of the economy, economic growth strategies, clusters, drivers of the economic activity, balance of interests

С первых перестроечных дуновений прошло без малого 30 лет. За такой срок многие страны, вставшие на путь глубоких экономических и общественных преобразований, во многом их завершили и достигли заметных успехов в социально-экономическом развитии. У России же, как всегда, все еще впереди, и это светлое будущее нам является в многочисленных программных документах, таких как Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации [1], стратегии прорыва [2] и модернизации всего и вся [3]. Далеко не очевидно, что наконец-то мы обречены на успех. Осознавая наше глубокое отставание от развитых стран, экспертное сообщество

и окол властные структуры с маниакальным упорством ищут чудо – драйверы экономического развития России и предлагают разные рецепты полного оздоровления тяжело больного, вплоть до экзотических – типа «обогнать, не догоняя». Власть же, действуя в реальном масштабе времени часто несистемно и невпопад, тем не менее, формирует общий вектор развития, благодаря которому страна заметно меняется от периода к периоду. Россия 2000-х годов не похожа на Россию 1990-х, а ее современный облик уже не тот, что в докризисные годы.

Находясь в постоянном движении, социально-экономическая система России (включая объекты и субъекты управления, законы, правила, институты функционирования и взаимодействия агентов экономики) в настоящее время представляет многомерную мозаичную структуру с элементами всех цветов и конфигураций. В ней соседствуют и какие-то ростки экономики знаний, и современные финансовые институты, и сельхозпредприятия, недалеко ушедшие в своей основе от хозяйств середины прошлого века (а где-то и начала) [4, 5], и промышленность с полной гаммой позавчерашних, вчерашних, сегодняшних и даже завтрашних технологий (последние, правда, можно разглядеть лишь при сильном увеличении) [6]. А что говорить про «надстройку», которой до сих пор милее и ближе порядки «эпохи первоначального накопления капитала», чем цивилизованные экономические отношения! Из этой мозаики по желанию можно сложить любые красивые или, наоборот, безобразные и хаотичные картины, которые возможно использовать в сколько угодно продвинутых обобщениях в любом направлении – и как основания для самых пессимистических прогнозов, и как плацдарм для весьма радужных оценок. И тем более – для бесконечных промежуточных интерпретаций и интерполяций.

Возможность проведения сколько-нибудь системного анализа тормозится многими факторами: сложностью самой системы, исключительной подвижностью ее структурообразующих факторов, включая изменения в мирохозяйственной системе в целом; объективной необходимостью изменения каких-то частей анализируемой системы на ходу, с постоянными, в силу этого, конфликтными столкновениями «вчерашних» и «завтрашних» атрибутов функционирования; непродуктивностью часто практикуемых попыток аналитиков получать об-

щую картину суммированием отдельных частных оценок; зачастую сомнительной (и это еще мягко сказано) квалификацией таких интерпретаций, не говоря уже о возможной их политической ангажированности. Своеобразным апофеозом отказа от системных исследований процессов экономического развития являются все громче звучащие заявления о кризисе экономической теории вообще, о полной непредсказуемости возможного хода событий, о грозящей мировой экономике катастрофе и тому подобные «страшилки».

Было бы неправильным и нечестным не замечать прогресса в развитии страны и большинства регионов в период после 2000 г., напрямую связанного с той социально-экономической политикой, которая проводилась и проводится федеральным центром и транслируется региональным администрациям. Но каков общий итог этих изменений? Не сохраняются ли или даже не усиливаются ли опасные диспропорции, белые пятна и неоднородности в экономическом пространстве страны? Всегда ли задуманные преобразования идут широким фронтом, или они реально затрагивают лишь малую часть субъектов экономики? Кто основные драйверы экономического развития и каков спектр их интересов, мотиваций и реальных действий?

СТРУКТУРИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА И ЗАДАЧ АНАЛИЗА

В национальной экономике выделяются несколько групп участников экономических отношений, основными из которых являются бизнес-структуры, регионы и федеральный центр.

Бизнес-структуры представляют собой основополагающие элементы рыночной экономики, взаимодействующие и конкурирующие между собой и с другими агентами на рынках ресурсов, товаров и услуг. Они различаются масштабами и эффективностью функционирования, что во многом определяет их место среди им подобных, а также степень интереса к ним федеральных и региональных властей. Сложившиеся крупные корпорации, как правило надрегионального масштаба, вполне устойчивы, успешны и креативны. Частные бизнес-структуры вместе с государственными корпорациями, организованными в основных секторах экономики, образуют несущий скелет

хозяйственного комплекса страны. Уже одно это обстоятельство объясняет неослабевающий интерес федерального центра к их устойчивому функционированию. А многие инициативы правительства появляются не только в силу лоббистских возможностей крупных структур, но и в силу объективных совпадений корпоративных и государственных интересов по ряду позиций. Внимание федерального центра к интересам среднего и малого бизнеса не столь ярко выражено и далеко не в равной мере распределено по всему спектру таких структур: во-первых, их гораздо больше и они намного разнообразнее; во-вторых, они действуют, как правило, на более мелких рынках; в-третьих, из-за масштаба они более подвержены факторам риска в развитии экономики.

Все *российские регионы* естественным образом разделяются на три группы: регионы-лидеры, регионы-аутсайдеры и все остальные. Группы формируются по уровню развития регионов, по масштабам сборов в них налогов, по степени участия в них государства с его ресурсами развития. В распределении последних можно выделить две части. Первая часть задается территориальным распределением исполнения федеральных компетенций и в определенном смысле постоянна в плане участия федерального центра в экономических процессах развития регионов. Вторую часть задают мотивации, мобилизующие центр на более активное проявление себя в регионах. Сложившаяся в России практика государственно-регионального партнерства в регионах разного типа проявляется по-разному. Слабым регионам необходима прямая поддержка государства в виде безвозвратных финансовых поступлений, которые зачастую являются основным источником средств для их развития. «Середнячки», как правило, пользуются такой поддержкой по остаточному принципу. Сильным регионам часто достаточно создания благоприятных условий для развития. Более того, сами институциональные реформации часто проводятся с оглядкой на сильные регионы, которые более других способны их эффективно использовать в своем развитии. Если учесть то обстоятельство, что такие регионы являются основными донорами федерального бюджета, то именно их можно определить как регионы – фавориты межуровневых отношений в системе «регионы – федеральный центр».

Федеральный центр наиболее разнообразно участвует в экономической жизни страны: устанавливает правила функционирования предприятий и организаций разных форм собственности и собирает налоги; поддерживает и развивает государственный сектор экономики; реализует федеральные программы по развитию приоритетных направлений экономики, важнейших сфер обороны и государственного управления, инфраструктуры и социальной сферы; инициирует и финансирует имиджевые для власти крупные проекты. Он проводит дифференцированную политику по стимулированию экономической активности крупных, средних и малых бизнес-структур, по созданию условий для повышения уровня жизни и роста экономики в регионах с разным ресурсным и экономическим потенциалом и по многим другим направлениям.

Таким образом, среди основных игроков в экономическом пространстве России можно выделить три крупных кластера:

кластер *A* – креативный: центр + крупный бизнес + регионы-фавориты;

кластер *B* – срединный: центр + «крепкий» средний бизнес + регионы-«средняки»;

кластер *B* – миноритарий деловой активности: центр + средний и малый бизнес + регионы-аутсайдеры.

В каждом кластере федеральный центр представлен, естественно, какой-то своей частью, функции которой позволяют наиболее полно обеспечивать связи с участниками кластера.

Итак, кластер *A* составляют крупные игроки в российском экономическом пространстве: федеральный центр, крупный бизнес (транснациональные и надрегиональные корпорации, высокодоходные представители малого и среднего бизнеса) и регионы – фавориты государственной социально-экономической политики. Являясь мажорантом государственной экономической политики, этот кластер образует ядро национальной экономики. В нем сосредоточен основной потенциал и производится большая часть продукции, товаров, услуг, добавленной стоимости и налоговых поступлений в государственную казну.

Другой полюс – кластер *B* образуют игроки-аутсайдеры (слабодходные бизнес-структуры, регионы-аутсайдеры), а также федеральный центр в части, прямо связанной с этой группой игроков. Экономическое взаимодействие федерального центра с другими агентами данного кластера состоит в явно выраженной их поддержке (прямой и косвенной).

В промежуточный, срединный, кластер *B* входят остальные регионы и бизнес-структуры со средними параметрами экономической активности. Федеральный центр также входит в этот кластер, но без особых интересов и без особой же активности помимо реализации в ряде регионов проектов государственной значимости (имиджевых, оборонных, проекций федеральных программ и т.п.). Регионы этого кластера вынуждены обеспечивать ресурсы для своего развития с минимальной поддержкой со стороны федерального центра.

Деловая и экономическая активность в кластерах поддерживается системой институтов и организационно-экономическими механизмами государственного, регионального и корпоративного управления. Над распределением игроков по кластерам можно построить распределение эффективных компетенций основных драйверов экономической активности: федерального центра, бизнес-структур, региональных администраций (обозначаемых далее как Центр, Бизнес, Регион). Это распределение также образует специфичную систему кластеров, но уже не в физическом пространстве объектов экономической деятельности, а в пространстве субъектов (агентов) деловой активности.

По самому построению кластеров соотношение эффективных компетенций введенных драйверов в кластерах может быть различным. Для представления оценок значимости присутствия основных драйверов в кластерах можно использовать трехуровневую шкалу. Экспертно определенные ранговые различия значимости агентов в разных кластерах по состоянию на начало текущего десятилетия приведены в табл. 1.

В развитии кластера-миноранта *B* наибольшие возможности имеются у государства, затем – у региональных властей. На последнее место поставлен бизнес (представленный здесь в основном низкоэф-

Оценки значимости присутствия основных драйверов в кластерах

Кластеры	Драйверы		
	Центр	Бизнес	Регион
<i>A</i>	2	3	1
<i>B</i>	1	2	3
<i>B</i>	3	1	2

фективными малыми и средними предприятиями), обладающий слабыми возможностями саморазвития.

В срединном кластере *B* участие федерального центра, как было сказано выше, менее заметно, бизнес еще не созрел до критической массы, необходимой для эффективного саморазвития, тем не менее он уже активно функционирует. Наибольший по значимости для кластера вес имеют усилия региональных администраций.

В креативном кластере *A*, где бизнес успешен и самодостаточен, его возможности в отношении генерации экономической активности наиболее значимы в сравнении с возможностями государства и, тем более, регионов. Возможности последних, волей случая и предыстории оказавшихся в этом кластере, следуют за возможностями контрагентов, и, значит, в сопоставлении с ними у регионов меньше шансов влиять на экономическую активность в кластере.

По частным оценкам табл. 1 (U_{ij}) можно построить сводные индексы драйверов развития (S_j , $j=1, 2, 3$), обобщающие активность однотипных агентов в разных кластерах, и сводные рейтинги кластеров (R_i , $i=1, 2, 3$), интегрирующие оценки активности в них разнотипных агентов. Эти системы оценок взаимосвязаны и выражаются одна через другую:

$$S_j = \sum_i R_i \cdot U_{ij} \text{ и } R_i = \sum_j U_{ij} \cdot S_j.$$

Формальная методика расчета этих оценок состоит в серии поочередных уточнений их промежуточных значений до стабилизации значений на соседних итерациях.

Таблица 2

Уточнения сводных оценок деловой активности в кластерах и эффективных компетенций драйверов экономической активности

Драйверы и кластеры	Итерации				
	0	1	2	3	4
<i>Индексы эффективных компетенций драйверов экономической активности</i>					
Центр	50,0	34,7	33,4	33,3	33,3
Бизнес	30,0	33,1	33,3	33,3	33,3
Регион	20,0	32,2	33,3	33,4	33,4
<i>Индексы экономической активности в кластере</i>					
Кластер А	–	35,0	33,5	33,3	33,3
Кластер Б	–	28,3	32,9	33,3	33,3
Кластер В	–	36,7	33,6	33,4	33,4

В примере, построенном на данных табл. 1, стабилизация сводных индексов достигается уже на четвертой итерации (табл. 2). Процесс сходится к одним и тем же значениям индексов независимо от начального приближения (данные нулевой итерации в табл. 2). При этом согласованная система расчетных оценок может сильно отличаться от начальных значений (см. столбцы 0 и 4 в табл. 2).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Парадигмы развития кластеров выделяются по признаку доминирования направлений активизации экономической деятельности в них. Универсальные теоретические схемы основываются на однотипном порядке их влияния на выделенные кластеры креативных игроков, «средняков» и аутсайдеров. В принятом масштабе представления агентов выделяются четыре возможные схемы организации «сцены» их действия: 1) универсальный патернализм; 2) рыночный романтизм; 3) панрегионализм; 4) идеальный универсализм.

В таблицах 3–6 представлены как локальные оценки значимости присутствия основных драйверов в кластерах, так и сводные индексы распределения экономической активности по кластерам (последний столбец) и сводные индексы драйверов экономической активности (последняя строка), рассчитываемые по предложенной выше методике.

Стратегия универсального патернализма. Основным драйвером экономической активности во всех кластерах является федеральный центр. Инициативы бизнеса и регионов проявляются в наименьшей степени и для чистоты эксперимента приняты равными между собой (см. табл. 3). Естественно, что унификация подходов к разным типам кластеров порождает равные сводные оценки кластеров, а доминирование федерального центра в генерировании экономической активности определяет и максимальную для него сводную оценку эффективных компетенций.

Стратегия рыночного романтизма. Построенный по такому же принципу пример доминирования рыночных начал в генерации экономической активности в кластерах приводит к тем же общим выводам: сводная оценка бизнеса как основного драйвера развития максимальна; кластеры получают одинаковые сводные оценки (см. табл. 4).

Стратегия панрегионализма. Эта стратегия не имеет прототипов в теориях развития национальной и региональных экономик (с на-

Таблица 3

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в стратегии универсального патернализма

Кластеры	Драйверы			R
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	3,0	1,5	1,5	33,33
<i>B</i>	3,0	1,5	1,5	33,33
<i>B</i>	3,0	1,5	1,5	33,33
<i>S</i>	50,0	25,0	25,0	

Примечание: в таблицах 3–6, 9, 13–15 сводные оценки кластеров округлены до второго знака после запятой.

Таблица 4

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в стратегии рыночного романтизма

Кластеры	Драйверы			R
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	1,5	3,0	1,5	33,33
<i>B</i>	1,5	3,0	1,5	33,33
<i>B</i>	1,5	3,0	1,5	33,33
<i>S</i>	25,0	50,0	25,0	

Таблица 5

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в стратегии панрегионализма

Кластеры	Драйверы			R
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	1,5	1,5	3,0	33,33
<i>B</i>	1,5	1,5	3,0	33,33
<i>B</i>	1,5	1,5	3,0	33,33
<i>S</i>	25,0	25,0	50,0	

Таблица 6

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в стратегии идеального универсализма

Кластеры	Драйверы			R
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	2,0	2,0	2,0	33,33
<i>B</i>	2,0	2,0	2,0	33,33
<i>B</i>	2,0	2,0	2,0	33,33
<i>S</i>	33,33	33,33	33,33	

тяжками, видимо, можно привести здесь пример государства с конфедеративным устройством). Но из соображений полноты и системности проводимого анализа в табл. 5 представлен третий тип чистого доминирования генерации экономической активности. Выводы по табл. 5 симметричны предыдущим.

Таким образом, чистые стратегии стимулирования экономической активности в кластерах характеризуются равенством сводных рейтингов кластеров и наибольшим индексом основного для каждой стратегии драйвера.

Стратегия идеального универсализма. Пример формализации этой стратегии представлен в табл. 6. Ее основные отличия от предыдущих стратегий состоят в дополнении принципов равного по кластерам стимулирования экономической активности правилом равного распределения таких усилий между федеральным центром, бизнесом и регионами. Отдельные примеры такого подхода можно, кстати, увидеть в методиках солидарного финансирования проектов из федерального и региональных бюджетов, в приемах понуждения регионов к расходам по каким-то направлениям обещаниями со стороны федерального центра также вложиться в них, в проектах частно-государственного партнерства и т.п. Доведенная до абсолюта подобная практика и послужила поводом для формирования стратегии идеального универсализма.

Принцип «всеобщего равенства» стирает грани между кластерами, между возможностями и между мотивациями разных драйверов к стимулированию экономической активности в разных кластерах (об этом свидетельствуют окаймляющие итоги табл. 6). Равнонапряженность усилий разных драйверов в каждом кластере и равномотивированность каждого драйвера к участию в развитии всех кластеров – это ли не признак гармоничного и сбалансированного экономического развития и не главная задача совершенствования всей системы государственного и корпоративного управления.

Как теоретическая схема эта стратегия имеет право на существование только при обнаружении тенденций к сближению качественных характеристик кластеров, с одной стороны, и мотиваций основных драйверов – с другой. Но вместе с тем демонстрируемая этой стратегией

идиллия «кластерного мира и гармонии драйверов» задает направление поиска других, более реалистичных стратегий, в которых также наиболее полно реализуется баланс интересов и компетенций.

РАННЯЯ СТАДИЯ СТРАТЕГИЙ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Выделение кластеров с разной интенсивностью экономической активности позволяет проследить системные последствия эшелонирования активизации процессов развития с помощью разных механизмов. Будем изучать ситуации, когда теоретические стратегии применимы к агентам только креативного кластера, а «жизнь» в других кластерах продолжается в достигнутом состоянии. Иными словами, в первую строку табл. 1 будем последовательно подставлять данные, содержащиеся в первых строках табл. 3–6. Ожидаемые общие выводы анализа должны в этом случае в каждой стратегии снизить оценки главных драйверов и изменить сводные индексы по кластерам в направлении неоднородности суммарных воздействий драйверов на кластеры (табл. 7).

Результаты расчетов таких индексов по всем стратегиям, модифицированным указанным способом, представлены в табл. 8. По ним можно сделать два общих вывода.

Во-первых, во всех стратегиях кластеры стали различаться по совокупным оценкам экономической активности, обобщающим частные оценки отдельных драйверов. Хотя ограниченные стратегии касаются возможных изменений в источниках стимулирования экономической активности только в креативном кластере *A*, общие оценки экономической активности меняются и в других кластерах. Диапазон изменений таких оценок в кластере *A* составил 32,7–34,1%, в кластере *B* – 31,7–34,2%, в кластере *B* – 32,2–34,6%.

Во-вторых, по сравнению с чистыми теоретическими стратегиями в каждой ограниченной стратегии снизились оценки генеральных драйверов: с 50 до 39,4% – драйвера Центр в стратегии ограниченного патернализма; с 50 до 33,4% – драйвера Бизнес в стратегии ограниченного рыночного романтизма; с 50 до 44,6% – драйвера Регион в стра-

Таблица 7

Оценки значимости присутствия драйверов в кластерах в ограниченных вариантах теоретических стратегий стимулирования экономической активности

<i>Ограниченный патернализм</i>				<i>Ограниченный рыночный романтизм</i>			
Кластер	Центр	Бизнес	Регион	Кластер	Центр	Бизнес	Регион
<i>A</i>	3,0	1,5	1,5	<i>A</i>	1,5	3,0	1,5
<i>B</i>	1,0	2,0	3,0	<i>B</i>	1,0	2,0	3,0
<i>B</i>	3,0	1,0	2,0	<i>B</i>	3,0	1,0	2,0

<i>Ограниченный панрегионализм</i>				<i>Ограниченный рыночный универсализм</i>			
Кластер	Центр	Бизнес	Регион	Кластер	Центр	Бизнес	Регион
<i>A</i>	1,5	1,5	3,0	<i>A</i>	2,0	2,0	2,0
<i>B</i>	1,0	2,0	3,0	<i>B</i>	1,0	2,0	3,0
<i>B</i>	3,0	1,0	2,0	<i>B</i>	3,0	1,0	2,0

Таблица 8

Сводные индексы кластеров и драйверов в ограниченных стратегиях стимулирования экономической активности

Кластеры и драйверы	Стратегии			
	Ограниченный патернализм	Ограниченный рыночный романтизм	Ограниченный панрегионализм	Ограниченный универсализм
<i>Индекс экономической активности в кластере</i>				
Кластер <i>A</i>	33,7	33,2	34,1	32,7
Кластер <i>B</i>	31,7	34,2	33,7	33,6
Кластер <i>B</i>	34,6	32,6	32,2	33,7
<i>Индекс эффективных компетенций драйверов экономической активности</i>				
Центр	39,4	30,3	30,3	33,3
Бизнес	24,8	33,4	25,1	27,8
Регион	35,8	36,3	44,6	38,9

тегии ограниченного панрегионализма. В стратегии ограниченного универсализма в стимулировании экономической активности лишь федеральный центр сохранил оценку чистой стратегии идеального универсализма на уровне 33,3%. Вес драйвера Бизнес упал до 27,8%, а драйвера Регион – увеличился до 38,9%.

Интегральной характеристикой каждой ограниченной стратегии является обобщенный коэффициент K различий сводных индексов как приемников импульсов экономической активности (кластеров), так и драйверов таких импульсов. Формально он определен следующим образом:

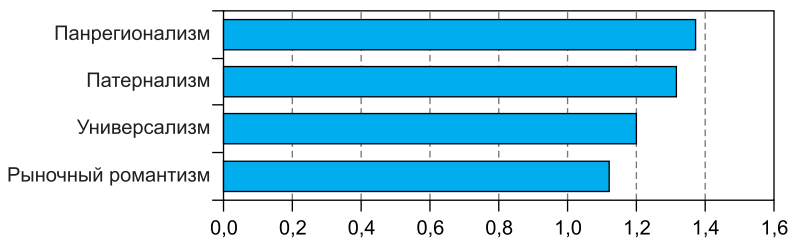
$$K = \sqrt{T_1 \cdot T_2}, \text{ где } T_1 = \max(S_j) / \min(S_j), T_2 = \max(R_i) / \min(R_i).$$

Наибольшие небалансы отмечаются в стратегии ограниченного панрегионализма, наименьшие – в стратегии ограниченного рыночного романтизма (см. рисунок).

Коэффициенты различий сводных индексов в первых трех чистых (теоретических) стратегиях стимулирования экономической активности (см. табл. 3–5) совпадают между собой и равны примерно 1,4 (точнее, $2^{1/2}$), что заметно больше, чем в ограниченных стратегиях.

Возникает вопрос: существуют ли стратегии распределения эффективных компетенций в стимулировании экономической активности, обеспечивающие «кластерный мир и гармонию драйверов»? Иными словами, возможны ли и если возможны, то при каких условиях единичные значения коэффициентов различий сводных индексов?

Примером стратегии с коэффициентом различий сводных индексов, равным 1, как следует из табл. 6, является стратегия идеального

Коэффициенты различий в ограниченных стратегиях

универсализма. В соответствии с нею «мир» (экономическое пространство) для каждого драйвера не делится на любимых, менее любимых и совсем нелюбимых «детей», и в каждом кластере все драйверы в равной степени мотивированы на стимулирование экономической активности. Безусловно, такие послышки не имеют ничего общего с реалиями, концептуально более верно искать другие, смешанные стратегии, выводящие на «баланс сил» в целом по кластерам и по драйверам. Вполне естественно для такого поиска воспользоваться в качестве ориентиров характеристиками стратегии идеального универсализма, в которой, как отмечалось, не только соблюдаются общие балансы интересов, но и выровнены мотивации драйверов по всем частным позициям.

Неожиданным примером стратегии с искомыми свойствами оказалась стратегия, описанная в табл. 1 и интерпретируемая выше как близкая к современной российской действительности, если ее представить в терминах статьи. Эта стратегия близка к стратегии ограниченного рыночного романтизма, но характеризуется более заметным участием федерального центра в усилении экономической активности в кластерах (с укреплением его позиций в креативном кластере и сохранением их в остальных). Рассчитанные на данных табл. 1 по предложенной выше схеме сводные индексы драйверов и кластеров оказались равны $1/3$ (табл. 9). Равная мотивированность драйверов экономической активности, с одной стороны, и равный по кластерам общий потенциал их побуждения к экономической активности – с другой, со-

Таблица 9

Кластерный мир и гармония драйверов

Кластеры	Драйверы			R
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	2,0	3,0	1,0	33,33
<i>B</i>	1,0	2,0	3,0	33,33
<i>B</i>	3,0	1,0	2,0	33,33
<i>S</i>	33,33	33,33	33,33	

здают основу баланса интересов всех субъектов экономического пространства страны.

ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ОСНОВНЫХ ДРАЙВЕРОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Предложенную выше методику можно применить к оценке активности в регионах потенциальных инвесторов. Информационную основу составили данные по 80 субъектам Федерации за 2010 г., содержащиеся в статистических сборниках «Регионы России». В агрегированном виде эти данные представлены в табл. 10.

Инвестиции в регионах осуществляются за счет федерального и региональных бюджетов и прочих источников финансирования. Не будет большой натяжкой последнюю статью связать с частными инвестициями и тем самым навести соответствие указанных источников с используемыми выше терминами для обозначения драйверов экономической активности («Центр», «Регион», «Бизнес»).

Данные табл. 11 свидетельствуют о высокой доле корпоративных и частных инвестиций – на уровне 80% от общих инвестиций. Государство участвует в финансировании инвестиций только на 10%. Лишь в Северо-Кавказском округе и на Дальнем Востоке инвестиционная активность федерального центра заметно выше среднего по стране уровня. Используемые возможности регионов и того меньше. Только в Московском регионе и на Северном Кавказе они заметно выше среднероссийских.

Сформируем три региональных кластера, включая в них регионы с соответствующим уровнем душевого ВРП. Серединный кластер образуют регионы с показателями душевого ВРП, отличающимися от среднего по РФ не более чем на 25%. В кластер лидеров (аутсайдеров) вошли регионы с душевым ВРП выше правой (соответственно, ниже левой) границы диапазона возможных значений этого показателя в серединном кластере. Сводные характеристики построенных таким образом кластеров приведены в табл. 12. Иными словами, в кластер лидеров включены регионы с душевым ВРП выше 327,1 тыс. руб./чел., к аутсайдерам отнесены регионы с душевым

Таблица 10

Территориальная структура населения, ВРП и инвестиций в 2010 г.

Макрорегион	Население, тыс. чел.	ВРП, млрд руб.	Инвестиции, всего, млрд руб.	В т.ч. феде- ральный бюд- жет, млрд руб.	Региональные бюджеты, млрд руб.	Прочие источники, млрд руб.
Россия	142905,3	37398,5	8392,2	865,4	824,6	6702,2
В том числе, %:						
Москва и Московская обл.	13,0	27,3	11,6	9,1	19,3	11,0
Остальная часть ЦФО	13,9	8,5	10,9	14,0	9,2	10,7
С.-Петербург и Ленин- градская обл.	4,6	5,8	7,7	9,5	9,7	7,2
Остальная часть СЗФО	4,9	4,6	4,8	3,1	4,0	5,2
Южный ФО	9,7	6,1	9,5	11,2	7,2	9,5
Северо-Кавказский ФО	6,6	2,4	3,4	9,2	5,6	2,4
Поволжье	10,8	8,1	9,3	6,9	9,7	9,5
Остальная часть ПФО	10,2	7,0	6,5	5,8	6,9	6,5
Тюменская обл.	2,4	8,8	12,5	0,4	11,6	14,2
Остальная часть УрФО	6,1	4,8	4,5	5,1	3,6	4,6
Юг Западной Сибири	7,8	5,6	5,3	4,3	5,6	5,4
Остальная часть СФО	5,7	5,4	5,3	6,1	3,2	5,5
Юг Дальнего Востока	3,4	4,1	6,7	12,5	2,7	6,4
Остальная часть ДВФО	1,0	1,6	2,0	2,8	1,9	1,9

ВРП ниже 196,3 тыс. руб./чел. (средний по стране душевой ВРП в 2010 г. был равен 261,1 тыс. руб./чел.).

По данным табл. 10–12 были получены частные оценки инвестиционной активности драйверов в выделенных кластерах (табл. 13). Для бизнеса все кластеры оказались сравнимо привлекательными (см. третий столбец табл. 13). На фоне маломасштабного инвестиционно-

Таблица 11

Индикаторы развития и структура инвестиций по источникам

Макрорегион	Индикаторы			Структура инвестиций, %		
	Душевой ВРП	Плотность инвестиций	Доля инвестиций в ВРП	Федеральный бюджет	Региональные бюджеты	Прочие источники
Россия	261,7	58,7	22,4	10,3	9,8	79,9
Москва и Московская обл.	548,1	52,5	9,6	8,1	16,3	75,6
Остальная часть ЦФО	159,6	46,1	28,9	13,3	8,3	78,4
С.-Петербург и Ленинградская обл.	331,6	98,2	29,6	12,7	12,4	74,9
Остальная часть СЗФО	246,3	57,7	23,4	6,6	8,1	85,3
Южный ФО	165,5	57,3	34,6	12,2	7,5	80,3
Северо-Кавказский ФО	93,5	30,2	32,3	27,6	16,0	56,4
Поволжье	197,8	50,6	25,6	7,7	10,2	82,1
Остальная часть ПФО	180,3	37,6	20,8	9,2	10,4	80,4
Тюменская обл.	969,9	309,6	31,9	0,3	9,1	90,6
Остальная часть УрФО	206,6	43,8	21,2	11,7	7,8	80,5
Юг Западной Сибири	187,9	40,1	21,4	8,4	10,4	81,2
Остальная часть СФО	246,1	54,5	22,1	11,8	5,9	82,3
Юг Дальнего Востока	316,5	116,8	36,9	19,2	3,9	76,9
Остальная часть ДВФО	394,3	110,7	28,1	15,0	9,5	75,5

го присутствия в кластерах других драйверов это явилось основным фактором сближения сводных оценок кластеров по показателю инвестиционной активности в них. Но сводные оценки самих драйверов существенно различаются. Оценки мажорирующего драйвера оказались заметно выше, чем в чистых стратегиях экономической активности, различающихся доминантным присутствием в кластерах генерального драйвера. Оценки других драйверов (Центр и Регион) оказались близкими между собой на довольно низком уровне.

Таблица 12

Показатели развития регионов РФ в 2010 г. в разрезе кластеров

Показатель	Лидеры	«Средняки»	Аутсайдеры
<i>Территориальные структуры</i>			
Численность населения, %	17,6	30,5	51,9
ВРП, %	42,1	28,4	29,5
Инвестиции в основной капитал, %	31,8	32,4	35,8
В том числе:			
федеральный бюджет	19,7	32,4	47,9
бюджеты регионов	32,2	33,5	34,3
прочие источники	41,1	23,6	35,3
<i>Индикаторы развития</i>			
Душевой ВРП, тыс. руб./чел.	626,1	243,1	149,0
Плотность инвестиций, тыс. руб./чел.	106,2	62,4	40,5
Доля инвестиций в ВРП, %	17,0	25,7	27,2

Таблица 13

Матрица инвестиций (млн руб.) и сводные оценки инвестиционной активности драйверов и кластеров (%)

Кластеры	Драйверы			R
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	170747,5	2161434,0	338921,5	32,2
<i>B</i>	280441,7	2244793,6	194597,7	33,3
<i>B</i>	414190,7	2296007,8	291098,4	34,5
S	10,4	79,8	9,8	

Сравнения с теоретическими стратегиями побуждения экономической активности в кластерах можно продолжить, если перевести табл. 13 в формат трехуровневой качественной шкалы предпочтений оцениваемых показателей. В этой шкале образ матрицы частных

Таблица 14

Частные и сводные оценки инвестиционной активности в трехуровневой шкале

Кластеры	Драйверы			<i>R</i>
	Центр	Бизнес	Регион	
<i>A</i>	1,0	3,0	2,0	32,8
<i>B</i>	2,0	3,0	1,0	33,6
<i>B</i>	2,0	3,0	1,0	33,6
<i>S</i>	27,9	50,0	22,1	

предпочтений драйверов в кластерах принимает вид центральной зоны табл. 14 (без столбца *R* и строки *S*), в которой сглажены непринципиальные детали различий частных оценок табл. 13. В расчетах с ее использованием проявились «видовые» характеристики теоретической стратегии рыночного романтизма с доминантным драйвером Бизнес и менее заметным присутствием других драйверов (см. табл. 4).

Можно оценить некоторые характеристики перехода от неравнозначного участия разных драйверов в инвестиционном процессе в регионах к паритету их присутствия в разных кластерах с сохранением равной инвестиционной привлекательности всех кластеров. Приведение к такому балансу задает следующую стратегию мотиваций драйверов к инвестированию (табл. 15). По сравнению с исходным прообразом

Таблица 15

Оценки значимости инвестиционной активности в стратегии баланса мотиваций драйверов и приоритетности кластеров

Кластеры	Драйверы		
	Центр	Бизнес	Регион
<i>A</i>	1,15	1,93	2,92
<i>B</i>	2,42	2,04	1,54
<i>B</i>	2,43	2,03	1,54

(см. табл. 14) в ней усиливаются инвестиционные компетенции федерального центра, еще более заметно возрастают позиции регионов. Роль бизнеса относительно снижается во всех кластерах, а в менее развитых (*Б* и *В*) он перестает быть доминантным фактором. В креативном кластере *А* лидирующие позиции в инвестиционном процессе отводятся драйверу Регион с очевидными потенциальными обеспечения устойчивых условий для саморазвития по крайней мере в сильных регионах.

* * *

Уместно сделать несколько выводов по итогам статьи.

Процесс укрепления государственности и ее экономического базиса в России очевиден, неоднороден и самобытен. Система, построенная к настоящему времени, не менее оригинальна, чем китайская модель, или более ранние модели «азиатских тигров», или модели арабских султанатов, выросших на нефти, но обустроивших у себя определенный уровень гармонии и процветания. Во многом российская модель базируется на исторически сложившемся авторитаризме власти, что, впрочем, не противоречит очевидным постулатам теории самоорганизующихся систем, определяющим высшим приоритетом их развития расширенное воспроизводство «себя любимых». Там, где дистанция между властью и обществом, властью и страной значима и достигает пороговых значений, расширенное воспроизводство целого (страны) подменяется расширенным воспроизводством его части (власти и обеспечивающего ее экономического базиса). Проявления именно такого положения дел заметны в современной экономической системе России.

К настоящему времени власть обустроила себя: установила приоритеты развития, наработала механизмы мобилизации ресурсов для их достижения, упрочила фундамент (в терминах статьи – креативный кластер) и, самое главное, на наш взгляд, определилась концептуально, взяв курс на создание сильного государства, родовым атрибутом которого является сильная центральная власть. Для России (впрочем, как и для многих других стран) сочетание укрепления государственности и заботы о своих гражданах, внешне имеющее вид двуединой и крепко сбитой формулы целеполагания, в реалиях не столь уж и мо-

нолитно соединяет эти начала. Многое из того, что государство делает для себя, можно (и у него это хорошо получается) выдавать за первоочередную заботу о своих гражданах. Забота о слабых – это тоже прежде всего забота государства о себе. На деле она осуществляется в скромных масштабах, не решает проблемы по существу, но и не создает особой нагрузки на ресурсы государства прямым участием в их судьбе. Скорее всего, это своеобразный «макияж» на лице власти, призванный сделать его более привлекательным. Не создавая основы для реального роста потенциала и укрепления возможностей саморазвития аутсайдеров, такие действия центральной власти постоянно воспроизводятся в ежегодно повторяемых дотациях бюджетам регионов-аутсайдеров или в виде очередных «косметических примочек» малому бизнесу.

Креативный кластер обустроен благодаря тому, что федеральный центр подчиняется инстинкту укрепления самовоспроизводства, столетиями вырабатывавшемуся высшей властью России и являющемуся простым следствием общей теории систем. Этот кластер – главная опора власти и именно потому предмет ее внимания. Скрепляет власть и агентов этого кластера выстроенная система взаимовыгодных отношений.

Экспертные оценки частных мотиваций основных драйверов экономической активности в разных по уровню развития кластерах (см. табл. 1) интерпретируются выше как характеристики современного состояния социально-экономической системы России и порождают равновесные (точнее, квазиравновесные) сводные оценки драйверов и кластеров. Что-то здесь не так. Возможно одно из двух: либо неверны исходные интерпретации, либо имеющаяся в оценках «гармония интересов и компетенций» условна, локально равновесна и обеспечивается латентными механизмами тотального доминирования главного игрока – государства, которое вполне устраивает сложившаяся ситуация. С другой стороны, используемые принципы построения кластеров и драйверов носят «долгоиграющий» характер и, следовательно, создают объективную основу для интерпретации таких состояний как близких к равновесным. Вполне вероятно, что в анализе не хватает еще одного измерения, например размера кластера. В этом случае воз-

можны перемещения игроков между кластерами, общая картина станет более реалистичной, но поиск особых состояний в трехмерном пространстве окажется существенно сложнее, чем в его двумерных проекциях типа «кластеры – драйверы». Изучение проблемы стимулирования экономической активности в других проекциях этого пространства («размеры – драйверы» или «размеры – кластеры») может приблизить построение общей картины.

Из рассмотренного в настоящей статье примера обустройства инвестиционных процессов вполне очевидно следует вывод о том, что в России доминируют идеологизмы «чистого рынка», что в экономике мало государства и недостает эффективных компетенций регионов. Без преодоления этих проявлений невозможно гармонизировать социально-экономическую систему страны, сблизив при этом мотивации присутствия основных драйверов экономической активности в разных кластерах, а не только в креативных, и тем более невозможно сблизить кластеры, хотя бы в обобщающих оценках восприятия такой активности драйверов.

Литература

1. **Концепция** долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. – М.: Минэкономразвития России, 2008. – 115 с.
2. **Глазьев С., Фетисов Г.** Новый курс: стратегия прорыва: Научный доклад. – М.: Российская академия наук; Совет по изучению производительных сил; Национальный институт развития, 2012. – 48 с.
3. **Стратегия** модернизации российской экономики / Отв. ред. В. Полтерович. – М.: Алетейл, 2010. – 424 с.
4. **Калугина З.И.** Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 186–197.
5. **Калугина З.И.** Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 115–135.
6. **Гильмундинов В.М.** Промышленная политика России: состояние и проблемы // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 104–117.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 19.06.2013 г.

© Суспицын С.А., 2013